

СЕМЬЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В.Н. ЛЕКСИН

Государственная семейная политика и обычная русская семья

Население России стремительно убывает, и уже сложился набор стереотипных объяснений причин этого процесса: бедность, стрессовая неуверенность в завтрашнем дне, алкоголизм и т.п. Все, однако, гораздо сложнее, потому что эти, в общем-то привычные для России явления в наше время соединились с *фундаментальным пересмотром представлений о смысле и ценностях семейной жизни, деторождения и самих детей*. Думаю, что сила воздействия этой перемены в сознании людей на все параметры современной российской жизни совершенно не учитывается.

Основные положения государственной семейной политики и семейного права России, конспективно изложенные в этой статье, свидетельствуют о том, что они разрабатываются и реализуются, бесспорно, с благими намерениями и во многих случаях, действительно, способствуют решению материальных и имущественных проблем современной семьи. К сожалению, всех этих мер, по моему мнению, недостаточно для радикального воздействия на сам институт семьи, на его жизнеспособность и перспективы; и в рыхлости этого института, находящегося в состоянии неуверенного равновесия между моделями позднесоветской (уже не традиционной) и современной западной семьи, мне видится первопричина множества бед новой России.

Семейная политика и реальные семейные проблемы – исключительно многоаспектный и к тому же междисциплинарный предмет исследований, всестороннее рассмотрение которого в рамках журнальной статьи невозможно. Поэтому я вынужден ограничиться обсуждением лишь некоторых, с моей точки зрения, наиболее важных: обычная русская семья, семейная политика и семейное право современной России, проблемы, возникающие в обычной русской семье в связи с рождением ребенка, проблемы семей с детьми, специфика многодетных и приемных семей, возникновение и функционирование неполных семей.

Информационную основу этой статьи, как и множества других публикаций по семейной проблематике, в основном, составляют материалы Росстата и его территориальных отделов, материалы переписей населения и так называемые “официальные материалы и документы” (нормативные и правовые акты, утвержденные концепции, стратегии, “основные направления” федерального, регионального и местного уровней) и, наконец, опубликованные результаты социологических исследований¹.

¹ Только в моем (далеко не полном) каталоге насчитывается более 300 статей о русской семье и семейной политике, опубликованных в последние 10 лет как в реферируемых журналах, так и в десятке других известных журналов (“Эксперт”, “Социальная реальность” и т.п.). Фундаментальный свод глубоких нетривиальных аналитических материалов, имеющих самое непосредственное отношение к проблемам русской семьи, содержится в огромной коллективной монографии [Государственная... 2007], подготовленной Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (руководитель авторского коллектива В. Якунин).

Обычная русская семья

Я определил тему этой статьи как “государственная семейная политика и обычная русская семья”. И если понятие “государственная семейная политика” общеупотребительно, то второе важнейшее понятие “обычная русская семья” и причины его использования, видимо, требуют определенных пояснений каждого элемента этого словосочетания.

Во-первых, я рассматриваю, действительно, *обычную*, наиболее распространенную и типичную семью, состоящую из мужа, жены, их детей и, в ряде случаев, проживающих совместно с ними одного или нескольких родителей мужа и (или) жены. Эта семья обычна своими доходами, жильем, проблемами. Экстремальные ситуации возможны и здесь, но это ситуации обычной семьи. Такие семьи живут в обычных квартирах и обычных сельских домах. Они своей верхней границей заходят в нижние слои пока еще малочисленного среднего класса. В профессиональном отношении представители таких семей занимают все обычные для России ниши (среди них нет, естественно, профессиональных нищих, банкиров и наркоторговцев). Члены рассматриваемых в статье обычных семей, как правило, рождаются, живут, работают и предполагают умереть в России. Принято считать, что в социальном отношении наша страна невероятно пестра; это, несомненно, так, если рассматривать ее население как конгломерат ста сорока миллионов индивидуальностей, чем-нибудь да отличающихся друг от друга. Если же отталкиваться от тех характеристик “обычности”, которые я только что перечислил, то в группу “обычных семей” следует включить около 90% всех семейных образований России.

Во-вторых, рассматриваемая в статье *семья* есть оформленный (государственно зарегистрированный) союз мужа и жены или же их постоянное сожитительство (в быту, в отличие от церковного, почему-то называемое “гражданским браком”) вместе с их детьми. Поэтому я не касаюсь в этой статье ни проблем, ни социальной политики государства в отношении так называемых “пробных браков” – временных, как правило, молодежных, сожительств, которые сами их участники никогда не позиционируют как “семьи” и в которых не предполагается появления общих детей. Точно так же не анализируются однополые “браки”, которые в России, к счастью, еще полуподпольная редкость.

В-третьих, рассматриваемая в статье *обычная семья* дополнительно определена как *русская*: в эту группу мной включены вышеуказанные семьи, преимущественно русские, а также входящие в ареал русской культуры вне зависимости от этничности их представителей. Таких “обычных русских семей” я насчитываю 86% от всех семей России. Проблематику остальных 14% я не рассматриваю, поскольку это заставило бы углубиться в анализ национально-семейных отличий и лишило бы предмет статьи тематической цельности.

Нет нужды доказывать, что семейная жизнь и проблемы русских, татар, чеченцев, бурят, коми, чукчей и других народов России не есть нечто одинаковое. Это проявляется в самом строе семейных (иногда – клановых, межсемейных) связей, в отношении к деторождению, в распределении ролей матери и отца, жены и мужа, старших и младших, в отношении к труду и в характере труда и т.п. (я специально выделяю только семейные и не затрагиваю языковые, культурно-исторические и другие различия). Группы национальных (нерусских) семей существенно отличаются и друг от друга, но все они отличаются и от мега-группы обычных русских семей. Это я неоднократно наблюдал на территориях компактного проживания нерусских и русских семей, где даже близкое соседство не стирало вышеуказанные различия.

Но есть еще один, может быть, самый серьезный повод обсуждать вопросы семейной политики и ее объекта на примере именно *русской* семьи. Дело в том, что тут наиболее полно сконцентрирована вся совокупность семейных проблем и их воздействий на демографическое, социальное и экономическое будущее страны. Всероссийская перепись 2002 г. подтвердила то, что и ранее было видно “невооруженным глазом”:

самый низкий уровень рождаемости в стране – у русских, и это – тенденция давняя: меньше чем у других национальностей рождались дети у русских женщин 1932–1937 гг. рождения и последующих возрастных когорт, вплоть до женщин, родившихся в 1958–1962 гг. Русские – наиболее быстро вымирающая часть населения России.

На состояние обычной русской семьи серьезнейшее воздействие оказывают последние перемены в образе жизни людей (что вполне естественно), и это особенно сильно влияет на самую восприимчивую часть населения, от которой к тому же зависит сохранение населения страны, – молодежь. Советский стереотип: “друзят–гуляют–женятся”, когда близкие (интимные) отношения (а тем более – беременность) должны были заканчиваться свадьбой, сейчас полностью разрушен. А размывание традиционного отношения к старшему поколению в русских семьях в значительной степени связано с тем, что вся энергия (и время) молодых направлена на выживание и утверждение в неустойчивой конкурентно-рыночной среде². Идиллические бабушки, посвятившие себя воспитанию внуков, в большинстве своем также остались в советском прошлом³. Сейчас в период появления внуков старшее поколение предпочитает работать (фактически работающих пенсионеров вдвое больше, чем в 1985 г.) и, скорее, гораздо больше материально помогает детям и внукам, чем те – им. Вопреки прогнозам начала 1990-х гг., отцы (и матери) оказались более подготовлены к любым жизненным переменам, чем дети.

Семейная политика и семейное право в современной России

Семейная политика государства должна пониматься как деятельность государственных и местных органов власти по реализации соответствующих полномочий и на основе соответствующих же норм закона. В этом отношении ситуация в России парадоксальна: какие-либо упоминания о семейной политике в перечне полномочий вышеуказанных органов власти отсутствуют, а то, что обычно подразумевают под семейной политикой и действующее в России семейное право имеют своими предметами в значительной степени *различные стороны* семейных отношений и “поддержки” семьи. Следует отметить также, что понятие “семейная политика” (в отличие от “семейного права”) относительно ново. В научный (газетный, журнальный, радио- и телевизионный) лексикон это словосочетание начало настойчиво входить с 1996 г., когда был подписан Указ Президента РФ “Об основных направлениях государственной семейной политики”.

Указ ориентировал прежде всего на обеспечение условий для преодоления негативных тенденций и стабилизации материального положения семей, на уменьшение бедности и увеличение помощи малоимущим семьям. Современная семейная политика сохраняет эту направленность. Около сотни нормативно-правовых актов, принятых в 2001–2009 гг., последовательно реализуют заложенные в “Основных направлениях” идеи: “развитие системы *семейных пособий*, охватывающей поддержкой все семьи с несовершеннолетними детьми и поэтапное увеличение доли расходов на семейные пособия (включая пособия по беременности и родам и по уходу за детьми в возрасте до полутора лет) в валовом внутреннем продукте, увеличение размеров *ежемесячного пособия на детей семьям одиноких матерей*, военнослужащих срочной службы... увеличение размеров пенсий на детей-сирот и детей-инвалидов, обеспечение своевре-

² Наряду с этим всем (и мне в том числе) известны примеры трогательной и дряхлеющей годами заботы о немощных родителях, бабушках и дедушках; особенно часты такие случаи в современных неполных семьях, где по известным обстоятельствам совместно проживают два, а то и три поколения.

³ Еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. социологи отметили появление “новых бабушек”, перешедших на молодежную моду и просивших внуков обращаться к ним только по именам (просто Катя, Надя и т.д.).

менной и полной выплаты семейных пособий, включая приоритетное финансирование и жесткий государственный контроль на федеральном уровне, расширение *натуральных выдач, льгот и дополнительных целевых выплат* семьям с детьми” (выделено мной. – В.Л.) [Указ] и т.п. По ряду оценок, в 2005–2009 гг. на все эти меры материальной поддержки нуждающихся семей из федерального и региональных бюджетов было выделено более 1,3 трлн руб.

В то же время почти не удалось качественно решить такие декларированные в “Основных направлениях” задачи, как “(а) стабилизация ситуации на рынке труда, сокращение уровня безработицы, в том числе скрытой, усиление социальной защиты работников, высвобождаемых в результате банкротства и структурной перестройки организаций, с учетом семейного положения работников, числа иждивенцев, в том числе детей; (б) усиление гарантий занятости на рынке труда для работников из семей, нуждающихся в повышенной социальной защите (семей одиноких и многодетных родителей, инвалидов, пенсионеров), путем стимулирования создания для таких работников специальных рабочих мест, обеспечения их профессиональной подготовки и переподготовки, предоставления налоговых или иных льгот организациям, использующим их труд; (в) поддержка развития индивидуальной трудовой деятельности, семейного предпринимательства и фермерства; (г) обеспечение государственных гарантий общеобразовательной и профессиональной подготовки несовершеннолетней молодежи, особенно профессиональной подготовки с последующим трудоустройством детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; (д) обеспечение условий для установления фактического равенства прав и возможностей женщин и мужчин на рынке труда, для повышения конкурентоспособности женской рабочей силы, адаптации женщин к новым экономическим отношениям и (е) учет при совершенствовании налоговой политики в отношении физических лиц, оплаты их труда и государственного регулирования цен и тарифов, необходимости содержания семей с нетрудоспособными членами за счет трудовых доходов и социальных выплат, достаточных для удовлетворения основных жизненных потребностей семьи, включая оплату услуг образования, здравоохранения, транспорта, коммунального хозяйства, культурных учреждений” [Указ] .

Представляется очевидным, что реализация *именно таких задач* государственной семейной политики могла бы стать одним из главных условий формирования в обществе (особенно, среди молодежи) более позитивного, чем в настоящее время, отношения к институту семьи как таковому и способствовала бы началу выхода из демографического провала. Добавлю, что при решении вышеуказанных задач, по моей оценке, существенно сократилась бы (как минимум, на 30%) необходимость в бюджетной помощи семьям в связи с поддержанием соответствующего уровня их экономической и жилищной самодостаточности.

Напоминанием о том, что государственная семейная политика в России – реальность, стал Указ Президента РФ от 14 июня 2007 г. № 761 “О проведении в Российской Федерации Года семьи”. Были приняты специальная программа мероприятий федерального уровня, аналогичные программы и планы во всех регионах и крупных городах страны. Главным содержанием этих программ стало дополнение ранее принятых мер материальной поддержки семей, разномасштабными акциями, направленными на разъяснение семейных ценностей и демонстрирование реальных возможностей полноценной семьи.

Семейная политика России, в принципе, должна реализовывать нормы *семейного права*, основной массив которых содержится в Семейном кодексе РФ⁴. Важно подчеркнуть, что этот кодекс, прежде всего, регламентирует *права и обязанности супругов*, но это (в полном соответствии с духом времени) касается в основном их *имущественного* аспекта. После краткого упоминания о личных правах и обязанностях супругов (утверждается равенство супругов в семье и их праве на выбор фамилии) идет пространное

⁴ Далее комментируется текст Семейного кодекса РФ по состоянию на 10 июня 2009 г.

описание законного режима имущества супругов. Приводятся трактовка понятия этого режима, определение совместной собственности супругов и нормы владения, пользования и распоряжения общим имуществом, определение происхождения, состава и признания имущества каждого из супругов (в том числе, признания этого имущества их совместной собственностью), процедуры раздела общего имущества супругов и определения долей при его разделе. Относительно новым является установление в Семейном кодексе РФ договорного режима имущества супругов. Определено, что есть брачный договор, его содержание и процедура заключения, изменения и расторжения, а также то, что делает его недействительным.

Большинство разделов Семейного кодекса (сто двенадцать статей) посвящены нормативным основам *отношений родителей и детей*, особенно тех случаев, когда одной из их сторон выступают *несовершеннолетние дети*. Отдельно определены имущественные права ребенка. Речь идет о праве на получение содержания от родителей и других членов семьи, праве собственности ребенка (на полученные им доходы, на имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, на любое имущество, приобретенное на средства ребенка), а также на причитающиеся ребенку алименты⁵, пенсии и пособия. Последние поступают в распоряжение родителей и должны использоваться ими на содержание, воспитание и образование ребенка.

Семейное право России содержит законодательные установления относительно *воспитания детей, оставшихся без попечения родителей*, – все возрастающей доле русских детей. Правоотношения по этому сложнейшему вопросу регулируются Семейным кодексом РФ, федеральным законом “О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей”, федеральным законом “Об опеке и попечительстве” и другими федеральными и региональными законами. В организации этих правоотношений все большую роль играют государственные и муниципальные органы опеки и попечительства, которые должны выявлять и учитывать таких детей, выбирать форму их устройства и осуществлять контроль над его результатами. А форм таких немало: это и передача на воспитание в семью (усыновление и удочерение), в приемную семью, под опеку или попечительство, в специальные детские учреждения.

Относительно новый для России семейный институт – *приемная семья*, которая образуется на основании договора между органами опеки и попечительства и приемными родителями (или отдельным лицом) с определением размера оплаты труда по воспитанию детей и различных льгот (определяются законами субъектов РФ). Здесь возникает множество моральных и финансовых коллизий, среди которых одна из самых существенных – подбор приемных родителей и стабильность региональных и местных бюджетов, из средств которых формируется оплата труда приемных родителей, обозначенная в договоре.

В 2006–2009 гг. нормотворчество в области семейного права было особенно активным. Были приняты положения о материнском капитале, а затем о возможности его использования для погашения части ипотечного кредита, об увеличении детских пособий и ряд других. В 2009 г. депутаты Государственной думы внесли несколько законопроектов, направленных на более существенную материальную поддержку многодетных семей.

В публичных обсуждениях различных аспектов семейного права чаще всего говорится о необходимости федерального закона о защите детей от массовой информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию. Это требование соответствует нормам, установленным Конвенцией ООН о правах ребенка (статьи 13, 17, 34). Все чаще высказываются мнения о целесообразности создания государственных алиментных фондов, отмечается необходимость правового реше-

⁵ Согласно Семейному кодексу РФ (ст. 60) по требованию родителя, обязанного уплачивать алименты на таких детей, суд вправе вынести решение о перечислении до 50% суммы алиментов на счет, открытый на имя несовершеннолетнего в банке.

ния такой проблемы, как чрезмерная гуманность законодательства по отношению к родителям, уклоняющимся от воспитания детей. Предложений о развитии семейного права и совершенствования на этой основе государственной семейной политики очень много, но проблема, по моему мнению, состоит не столько в правотворчестве, сколько в правоприменении, в безусловном претворении в жизнь хотя бы нормативно закрепленного. Это тем более важно, что реальное положение обычной русской семьи (как будет показано в следующих разделах статьи) требует осмысления прежде всего с позиций государственного интереса к сохранению и укреплению *института семьи как таковой*.

Семейная политика и семейные проблемы

Дети – главная ценность семьи, страны и человечества; Советский Союз, в самые тяжелые времена заявивший “все лучшее – детям”, без каких-либо оговорок и изъятий ратифицировал Конвенцию ООН о правах ребенка⁶. И Россия как правопреемница СССР до сих пор в официальных заявлениях и в нормативных актах строго следует нормам этого удивительного документа, впервые провозгласившего *право каждого ребенка* на такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия. В Конвенции сказано: “ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в *семейном окружении*, в атмосфере счастья, любви и понимания” (выделено мной. – *В.Л.*). Однако в современном западном мире, да и в России это не так. Число детей, фактически выбрасываемых из семей, – полных и неполных, – растет. Выступая 17 июня 2009 г. на первом заседании Общественного совета по детской культуре при Министерстве культуры РФ, председатель Российского детского фонда А. Лиханов напомнил о том, что “750 тысяч детей – сироты, живущие в детских домах и приютах (ежегодно их число прирастает почти на 100 тысяч. – *В.Л.*). Еще 700 тысяч – дети-инвалиды. Большая их часть воспитывается не в семьях, а в специализированных медицинских учреждениях. Часто эти дети неизлечимы и из инвалидов детства сразу попадают в инвалидную взрослую жизнь” [Лебедева, 2009].

Грубое пренебрежение семейными ценностями и фактический отказ от норм семейного поведения стали причиной катастрофического положения детей, испытывающих насилие в семье. Только в 2007 г. их число увеличилось в три раза: 15 тыс. детей в возрасте до 14 лет погибли в результате умышленного преступления своих родителей; в отношении более 500 тыс. детей были совершены различные правонарушения, в том числе тяжкие телесные повреждения, увечья и др.⁷ Так что признание (закрепление в законодательстве) положений Конвенции ООН о правах ребенка и их реализация в России – отнюдь не одно и то же. И причины этого прежде всего следует искать в состоянии самого института семьи.

Полноценная семья становится таковой с рождения *желанных* детей, но в России трудно не только жить, но и родиться. Приведу несколько данных за наиболее “статистически обработанный” и к тому же докризисный 2007 г. На 1420 тыс. женщин, закончивших беременность родами (статистический термин), только в государственных и муниципальных (не частных и не на дому) учреждениях здравоохранения сделали аборт около 1479 тыс., в том числе около 150 тыс. первобеременных. Из всех принятых родов медицина сочла нормальными (естественными) только 575 тыс., то есть всего треть (!), а через кесарево сечение прошли 302 тыс. женщин и их детей.

⁶ Рекомендую всем, кого интересует предмет этой статьи, самым внимательным образом ознакомиться с этой Конвенцией, а также с “Периодическими докладами о реализации Российской Федерацией Конвенции о правах ребенка”, официально представляемыми в Комитет по правам ребенка ООН (первый был представлен в 1992 г.).

⁷ Данные председателя Комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей Е. Мизулиной, приведенные на состоявшемся 18 июня 2008 г. в Институте государства и права РАН расширенном заседании Ученого совета, посвященном оценке правового положения детей в России, проблемам защиты их прав и интересов (подробное изложение выступлений дано в [Летова, 2009]).

Из общего числа родившихся живыми детей 39% (на треть больше, чем в 1995 г.) родились больными или сразу же заболели, при этом с врожденными аномалиями родились 3% младенцев, а остальные 36% расплатились за плохое здоровье родителей и низкое качество здравоохранения⁸.

Перед рождением ребенка (особенно, первого) современные родители задумываются над важнейшим вопросом (из-за которого часто и само деторождение откладывается на неопределенный срок): *как быть с работой молодой мамы*. Этот вопрос наиболее часто задают в русских семьях, где (в отличие от многих мусульманских семей) женщина уже давно считает, что она обязана работать вне дома и часто ценит эту работу не только из-за заработка, но и за возможность “отдохнуть от домашней рутины”. В то же время женский труд на производстве (в учреждении) – не прихоть ленивых домохозяек, а экономическая необходимость: и их самих, и страны в целом.

Даже в том случае, если у матери малыша будет возможность поручить его на время работы старшим родственникам, няне или детскому учреждению, у большинства работодателей не возникает желания восстановить молодую мать на прежней работе или принять ее на новую: она – “ненадежный работник”. (Это же относится и к тем молодым женщинам, которые могут уйти в декретный отпуск.) По результатам социологического исследования “Возвращение на работу: оптимизация сочетания семейных и профессиональных обязанностей для молодых мам”, инициированного Департаментом молодежной и семейной политики Москвы и проведенного ГУ-ВШЭ, 77% женщин сочли наиболее подходящей для себя жизненную стратегию “сочетать работу и материнство, иметь свой собственный доход и достаточно времени для воспитания детей”. Это – не частное дело матерей, а *важнейший элемент семейной политики*: ученые и специалисты кадровых служб давно установили, что возможность беспрепятственного устройства на работу женщин с детьми самым серьезным образом стимулирует (по крайней мере, не сокращает) рост рождаемости, то есть способствует решению важнейшей задачи России. К сожалению, ни требования Трудового кодекса РФ не допускать трудовой дискриминации беременных женщин и матерей с малолетними детьми, ни нормы уголовного наказания за нарушение таких требований практически не действуют.

Принято считать, что одним из главных препятствий на пути к решению о появлении в семье ребенка является пресловутый “жилищный вопрос”. Это – и так, и не так; социологи отмечают, в частности, что отсутствие или недостаточность жилья чаще всего занимают 4–5-е места среди причин, заставляющих отложить деторождение. Выясняется также, что *стесненные жилищные условия* по данным всех обследований этого десятилетия не особенно влияют на воспитание и образование детей, тем более что такие условия типичны для семей, в которых оба родителя заняты на работе (здесь скорее возникает проблема детской дневной безнадзорности). В некоторых регионах семьи, ставшие многодетными, могут получить помощь через так называемые “жилищные программы”, но было бы полезно законодательно закрепить обязательный для всех регионов, городских и сельских поселений страны перечень государственно гарантированных норм всех видов поддержки многодетных семей с обязательным включением в их число *немедленного* обеспечения дополнительной жилой площадью.

В советский период для большинства семей с двумя работающими родителями еще до появления ребенка возникала сложнейшая задача “определения” его в *детский сад*, особенно, какой-либо ведомственный. В новейшее время проблема детских садов по-прежнему существует (что часто связано с их перепрофилизацией после передачи в частные руки⁹), но она, как правило, все же решается. Следует отметить и появление неведомого в советское время института постоянных и приходящих нянь (гувернан-

⁸ Последнее особенно сказывается в сельских семьях, где в возрасте до одного года в 2007 г. на тысячу родившихся живыми умерло 11 детей (в городских семьях – менее 9 детей).

⁹ Эта ситуация подробно охарактеризована мной и А. Швецовым в ряде работ, посвященных передаче в государственную и муниципальную собственность социальных объектов приватизируемых предприятий, в том числе в [Лексин, Швецов, 1999].

ток, помощников в ведении домашнего хозяйства и т.п.), которые весьма востребованы в семьях с доходами выше средних. Но нельзя не заметить, что за последние 20 лет проблема определения ребенка в государственный или муниципальный детский сад переместилась в иную плоскость: в этих учреждениях не хотят и не могут работать те, кто могли бы стать реальным внесемейным воспитателем малышей.

В аналитическом материале о кадровом голоде в детских садах говорится: «По статистике, всего один выпускник педколледжа решаете связать свою судьбу с государственным детским садом, среди выпускников вузов такие желающие появляются даже не каждый год, а для самих педагогов в рейтинге профессий “воспитатель” занимает последнее место... Детских садов стало меньше чуть ли не на треть, а в оставшихся двух третях воспитателей все равно не хватает. И чем дальше, тем заметнее» [Аромштам, 2008].

В связи с кризисом планы по строительству новых детских садов почти везде сокращены, но зато получила распространение такая новая форма дошкольного воспитания и образования, как *семейный детский сад* [Огилько, 2009]. Так, в Москве, где уже действует 240 семейных детских садов, в которых воспитываются около 800 малышей, семье с четырьмя детьми предлагается организовать такой детский сад, в котором воспитателем собственных становится мама. Ей будут платить обычную “детсадовскую” зарплату 8–16 тыс. руб. в месяц и оплачивать “детсадовское” же питание из расчета 87–105 руб. в день на каждого ребенка.

От вступления детей в школьный возраст и до окончания школы – период новых семейных проблем, от решения которых зависит будущее не только ребенка, но часто – и его родителей. Качество школьного образования и возможности плодотворных контактов “*семьи и школы*”, выходящие за рамки незаконных школьных поборов с родителей, – тема отдельная. Здесь отмечу лишь, что инфраструктурная обеспеченность школьного образования в последние 7 лет существенно выросла, это наглядно демонстрирует массовая компьютеризация школы. Появились и регулярно выполняют свои функции “школьные автобусы”. В то же время продолжается бюджетно выгодная, но социально разрушительная тенденция “укрупнения” школ за счет ликвидации так называемых малокомплектных, свойственных, преимущественно, небольшим сельским поселениям в центральной части России. Однако с давних пор известна закономерность: закрывается школа – пустеет село. Бесперспективная деревня – это прежде всего бесперспективные семьи, то есть сначала семьи без детей, а затем и жизнь вне семейного уклада.

И все же, современная русская семья болезненнее всего ощущает свою беспомощность не в получении детьми достойного школьного образования, а в воспитании у них стойкого *противодействия внешним негативным влияниям*. И в этом нет ничего удивительного, поскольку со среднестатистическим русским ребенком родители общаются около 18 минут в день.

Дети – “цветы жизни”, но не все ее украшают. В среде несовершеннолетних правонарушителей множатся ряды семи–двенадцатилетних: их уже успели научить тому, что они – *неподсудны по возрасту*. Любая детская и подростковая преступность вызревает в семье неблагополучной, и никакого значения не имеет, образовалось ли это неблагополучие в семье бедной или богатой, полной или неполной, многодетной или с единственным чадом. Корни этой преступности уходят только в почву семейного неблагополучия: алкоголизм родителей, чрезмерное поощрение любых желаний, невнимание к ребенку и отсутствие родительского контроля, постоянные семейные конфликты и, главное, передающиеся детям извращенные представления об ответственности. Судить малолетних и подросткового возраста преступников и преступниц (это устойчиво – каждая четвертая) невероятно сложно, и в стране не утихают споры относительно создания института ювенальной юстиции.

Первопричина большинства семейных бед – алкоголь. Лев Толстой считал, что в его время “каждая несчастливая семья несчастлива по-своему” (хрестоматийное начало “Анны Карениной”). В современной России почти все несчастливые семьи

несчастливы одинаково: в них пьет либо муж, либо жена, либо они оба, либо дети. Здесь нет никакого преувеличения, и это подтверждают все социологические опросы: *среди несчастий семьи алкоголизм занимает позорное первое место*, далеко опережая детские болезни или плохие жилищные условия. Это же и главная причина оставления множества семей без мужа-кормильца – российская “сверхсмертность мужчин” чаще всего провоцируется пьянством или вызванными им болезнями. И – никто из живущих в России не пьет так *смертельно*, как русские (может быть, только аборигенное население Крайнего Севера). Душевое потребление алкоголя в нашей стране устойчиво выше в регионах с преимущественно русским населением. По данным Росстата, в 2003 г. в России среди миллионов людей с диагнозом “алкоголизм и алкогольный психоз” были зарегистрированы около 60 тыс. детей до 14 лет; думаю, это число не отражает реального (не зафиксированного врачами) масштаба беды. Ведь у регулярно потребляющих спиртное молодых людей нет и никогда не будет здорового потомства, а значит, у них многократно прибавится семейных проблем. Если аборт убивает детей до рождения, то алкоголь убивает здоровье, а часто и коверкает судьбу уже родившихся.

То же относится и к *табакокурению*. Цены на популярные табачные изделия в России самые низкие в мире, в последние годы они постоянно снижались, и недельные затраты на сигареты сейчас меньше, чем на семейное двухчасовое посещение столичного катка. Никого уже не удивляет молодая мать с сигаретой. И если курение для мужчин лишь фактор сокращения их собственной жизни (в России самый большой разрыв ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин – 13 лет!), то курение женщины – доказанный и чрезвычайный вред не только ей самой, но и ее будущим, и уже родившимся детям. Треть русских детей начинают отравляться продуктами табакокурения еще в утробе матери.

Еще одна беда и несостоявшаяся, и сложившейся семьи – *наркомания*. Только учтенных Минздравсоцразвития России наркоманов в 2008 г. насчитывается 550 тыс., а число детей и подростков, страдающих наркологическими расстройствами, составило 140 тыс. Эксперты считают эти цифры сильно заниженными, но сходятся со статистикой в том, что, в основном, наркоманы – люди наиболее репродуктивного возраста (до 40 лет). И вполне обоснованно, что семейная политика в регионах России включает борьбу с наркоманией как одно из важнейших условий жизнеспособности семьи, а значит, и государства.

Многодетные, приемные и неполные семьи

В России около 1,5 млн многодетных семей (то есть с тремя и более детьми), в них живет каждый шестой ребенок, и тем более скверно, что в нашей стране определения “многодетные” и “малообеспеченные” почти всегда синонимичны. Необходимость государственной и местной финансовой поддержки таким семьям ощущается во всех без исключения регионах России, но по моим данным (сравнительный анализ ситуации в 52 регионах страны) наиболее широко и последовательно соответствующие решения принимаются и реализуются лишь в Москве, и это происходит отнюдь не потому, что Москва – “богатый город богатых”. Как ни парадоксально это прозвучит для многих, Москва – регион с самой высокой концентрацией бедных людей¹⁰.

Правительство Москвы в 2008 г. установило ежемесячные компенсации на возмещение расходов в связи с ростом стоимости жизни на каждого ребенка в возрасте до 16 (учащегося – до 18) лет и ежемесячные компенсации на возмещение роста стоимости продуктов питания отдельным категориям горожан на детей в возрасте до трех лет. Для получения таких компенсаций не нужно куда обращаться, поскольку

¹⁰ В абсолютной бедности, то есть ниже прожиточного минимума, в Москве живут более миллиона (13% населения), а если использовать западный показатель относительной бедности (индивидуальные доходы ниже 60% от средних по стране), то в не худшем докризисном 2007 г. к бедным следовало бы отнести несколько миллионов москвичей.

вся необходимая информация имеется в районных управах города. За счет городского бюджета установлены многочисленные льготы и преференции многодетным семьям: от получения бесплатных молочных продуктов детского питания на детей до семи лет по рецептам врачей, до бесплатного посещения зоопарка. Все это городские организации и службы *обязаны* обеспечить семье на основании свидетельств о рождении трех и более детей.

И это – не все; кроме перечисленных льгот и преференций московским многодетным семьям положены также ежемесячные компенсации на оплату жилищно-коммунальных услуг и телефона, предусмотрена ежегодная материальная помощь на покупку комплекта детской одежды для посещения занятий в общеобразовательной школе, обеспечивается бесплатный проезд на всех видах городского пассажирского транспорта (кроме такси и маршрутного такси) одному из родителей и детям в возрасте до 16 лет (учащимся – до 18 лет), а также бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте по социальной карте москвича детям в возрасте до 16 лет (учащимся – до 18 лет). Многодетным семьям предоставляется тридцатипроцентная скидка на оплату жилья и коммунальных услуг в пределах социальной нормы площади жилья и нормативов потребления коммунальных услуг независимо от вида жилищного фонда. Выдаются бесплатные лекарства детям в возрасте до 18 лет, оплата за посещение детьми государственных детсадов так же не взимается. Все это – немало, но число многодетных семей в Москве ощутимо не увеличивается. Видимо, государственную семейную политику России пора переводить с поощрения расширенного деторождения (многодетная семья) на всемерное поощрение семьи с двумя детьми. Двое детей в обычной русской семье уже следует воспринимать как демографический подвиг.

Несмотря на перечисленные и другие меры государственной поддержки, русские многодетные семьи во многих регионах страны были и остаются бедными. В Бурятии, например, от многодетных родителей начали поступать просьбы о лишении их родительских прав и передаче детей под опеку относительно благополучным (по забайкальским мерам) родственникам. Летом 2009 г. возможностью таких действий интересовались жители Тарбагатайского, Джидинского, Прибайкальского и Закаменского районов. Первой из обратившихся (образцовой матери!) отказали в лишении родительских прав только потому, что родители не пьянствуют, а дети накормлены, обуты, одеты и не бродяжничают. Но какой ценой это достигается, если в районах республики оба работающих родителя могут заработать 12–13 тыс. руб., а суммарные пособия на четверых детей составляют менее тысячи рублей в месяц?

Как ни странно, в материальном отношении немного легче *семьям с приемными детьми*¹¹. Так, в Ярославской области в 2009 г. на содержание каждого ребенка, взятого в приемную семью, из областного бюджета ежемесячно выделяется 4937 руб. – на детей до 6 лет; 5877 – на детей с 7 до 12 лет; 6317 – на подростков от 12 до 18 лет. Кроме того, за работу с детьми приемным родителям в этой области выплачивается ежемесячное вознаграждение: шесть тысяч за одного ребенка и по три тысячи за каждого последующего. В Самарской области приемные родители получают единовременную

¹¹ Далеко не везде. Например, в начале 2009 г. губернатор Брянской области получил открытое письмо, подписанное главами приемных семей из разных городов области. Лучше всего процитировать малую его часть: “Детей в приемную семью мы брали на воспитание, а не на содержание. Содержание нам должно было выплачивать государство: так следовало из договора (имеются в виду договоры, подписанные с администрациями в соответствии с федеральным нормативным актом о приемной семье, принятым в 1996 г. – В.Л.). Если бы у нас были средства, мы бы усыновили детей и воспитывали их без помощи государства. Многие бы люди взяли по одному, два приемных ребенка. Но кто же сейчас на такое решится?.. Приемным семьям не выделяются средства на отопление, освещение, текущий ремонт жилья, приобретение мебели и оплату услуг бытового обслуживания, а это четко прописано в положении о приемной семье. Действует только 3-процентная льгота на оплату коммунальных услуг многодетным семьям, но ведь такой льготой пользуются далеко не все” [Федосов, 2009]. Причина ситуации в том, что из федерального бюджета выплачивается лишь часть затрат на содержание приемных детей (обычно – третья), а остальное следует изыскивать в региональных бюджетах. Брянская же область давно и глубоко дотационна.

выплату за оформление ребенка в семью в размере 8840 руб. Ежемесячно пособие на ребенка составляет 4665 руб.; зарплата родителям – 2850 руб.; если у ребенка есть психические и (или) физические недостатки в развитии, то зарплата родителям составляет 4275 руб., а если ребенок инвалид – 5700 руб. в месяц.

Все это – не те деньги, которые действительно компенсируют приемной семье груз реальных проблем, связанных с взятыми на себя заботами (к сожалению, нередко трагические для ребенка случаи его возвращения в интернатскую или детдомовскую среду). Однако после принятия решений о финансовой поддержке приемных семей, число детей в таких семьях возросло в отдельных регионах России на 25–40%. В связи с этим следует считать обоснованной семейную политику отдельных регионов, направленную на более жесткий *отбор потенциальных усыновителей* по принципу: выбирать родителей для ребенка, а не наоборот. В Уфе, например, где такой подход уже внедрен в практику, к середине 2009 г. из 2,7 тыс. сирот только 500 остались воспитанниками интернатов (остальные живут в приемных семьях).

Особая проблема – неполная семья, которую обычно составляют: мать (ее в советское время называли “мать-одиночка”), ее дети и часто – родители матери. В России сейчас неполных семей лишь немного меньше, чем после Великой Отечественной войны. Сравнение условий жизни и детских судеб в полных и неполных семьях я проиллюстрирую, как это не покажется странным, примером *московской семьи*. При всех отличиях Москвы от других городов (не говоря уже о селах) я считаю такую семью более, чем типичной. Во-первых, в Москве представлены все мыслимые типы полных и неполных семей, и корректные исследования¹² столь разнообразного ландшафта семьи позволяют сформировать доказательные суждения, выходящие далеко за границы московской городской черты. Во-вторых, сегодняшняя Москва и ее социум – завтрашняя реальность для всей России; известно, что перемены в общественной жизни и в общественных отношениях со всеми их плюсами и минусами в первую очередь проявляются в Москве и затем становятся нормой (особенно, в части внешних признаков этих перемен) во всех городах и всех странах.

Как образуется московская полная семья (оба родителя и дети)? В первом браке состоят более 78% женщин и мужчин (то есть браки весьма устойчивы), около 20% мужчин и женщин состоят в повторном браке (женщины вступают в него чаще мужчин), причем 52% вступивших во второй брак женщин и 48% – мужчин уже имеют детей от первого брака. Такие дети, в основном, остаются с матерями (часть детей воспитывают родители бывшего мужа); с мужчинами дети от первого брака остаются исключительно редко. В московской семье женщина, как правило, образованнее мужа, но в неполных семьях женщин с высшим образованием на 10% меньше, чем в полных (нужно не учиться, а зарабатывать).

Как появляются неполные семьи с детьми? В 53% случаев они – результат развода, в 24% – появления ребенка вне брака, в 15% – смерти одного из родителей (чаще всего – отца).

Напомню, что в Москве в 2006 г. проживали более 1,2 млн семей. По данным последней переписи населения, каждая третья московская семья была неполной, а среди всех семей с детьми моложе 18 лет почти 73% семей имели одного ребенка, 24% – двух и около 3% – трех и более детей. Желание иметь детей и реализация этих желаний существенно расходятся. 40% всех опрошенных заявили, что при “надлежащих условиях” они хотели бы иметь двух, а около 30% – даже трех детей. Желание ограничиться одним ребенком свойственно преимущественно родителям из неполных семей. Показательно, что только в небольшом числе случаев родители из многодетных семей заявляли о желательности меньшего числа детей (“непосильный груз”).

¹² Я опираюсь на материалы именно такого исследования [Московская... 2007]: оно, к сожалению, прошло мимо большинства пишущих о современной семье, – и, напрасно, поскольку книга не только информативна, но и весьма доказательна в оценках, выводах и рекомендациях. Особый интерес представляет сравнение данных исследования 2006 г. с мониторинговым исследованием (“Портрет московской семьи”), выполненным тем же институтом по аналогичной методике в 2001 г.

Авторы “Московской семьи-2006” безоговорочно заявляют, что “категория неполных семей является *наиболее уязвимой с точки зрения параметров уровня жизни*” (выделено мной. – В.Л.). В немалой степени это зависит от того, что заработки взрослых в полных семьях устойчивее, чем в неполных. Почти 60% мужей в полных семьях имеют постоянную работу, а жены – как правило, стабильную (даже невысоко оплачиваемую) работу в государственном секторе экономики и управления. В неполных же семьях женщина – основной кормилец семьи, а заботы о детях не всегда позволяют работать в режиме жестко определенного рабочего дня; неудивительно, что именно такие женщины составляют основную часть работающих временно или в форме самозанятости. Поэтому заработная плата по месту основной (постоянной) работы или доходы от предпринимательской деятельности составляют в полных семьях 84% у мужчин и 75% у женщин. В неполных же семьях у женщины такой доход составляет немногим более 50%; остальное – “подработка” (около 17%), социальные выплаты, пенсии и пособия (более 20%, что в 5 раз больше, чем в полных семьях).

Более 80% всех московских семей живут по российским меркам скромно, а материальные условия жизни в неполных семьях, как правило, существенно хуже, чем в полных. Выборочные данные показывают, что в среднем на одного члена неполной семьи приходится на треть меньше совокупного семейного дохода. Не случайно доля тех неполных семей, которые считают, что их материальное положение улучшается, составляет менее 5%, – втрое (!) меньше, чем полных, а доля тех неполных семей, которые заявляют об отрицательной динамике жизнеобеспечения, почти на 70% больше, чем полных. Неполные семьи намного чаще, чем полные, зависят от помощи в ведении домашнего хозяйства, а также от регулярной материальной помощи со стороны родителей одинокой женщины (часто они живут вместе). Доля неполных семей, способных вообще обойтись без помощи старшего поколения, вдвое меньше, чем полных.

Дети из неполных семей не хуже и не лучше детей из полных семей, но они, преимущественно опекаемые только матерью, *другие*, особенно мальчики.

* * *

Не нужно доказывать, что в рассмотренных обстоятельствах именно обычная русская семья должна была бы стать предметом особого внимания у тех, кто призваны разрабатывать и реализовывать государственную семейную политику. Однако ничего подобного не наблюдается, если, конечно, не считать декларативного положения Конституции РФ о том, что “материнство и детство, семья находятся под защитой государства” (п. 1 ст. 38); вялого, неакцентированного (и между строк) официального признания государственной ценности семьи в устаревших “Основных направлениях семейной политики РФ”; неизвестно к кому обращенного призыва относительно “формирования общественных и личных ценностей, ориентированных на семью с двумя детьми и больше” [О концепции...]; бездарной “социальной рекламы” и недавно установленного *семейного* праздника в поминовение благоверных князя Петра и княгини Февронии Муромских (судя по их житию – бездетных).

Такая семейная политика государства крайне недальновидна. Будущее России зависит не от вступления в ВТО и не от того, какими отношениями она будет связана с США или с Китаем, а от того, каковы будут семейные отношения в российских и прежде всего – в русских семьях. Будут ли они ориентированы на бесплодную жизнь для себя или на полноценную, традиционную, устойчивую семью с двумя и более детьми. Будет ли в этих семьях ответственный подход к воспитанию детей, забота о старшем поколении.

Самое сложное для наших политиков – воспринять приоритетную *значимость института полноценной русской семьи как национальную идею*. То, что такой институт важнее, сложнее и нужнее *каждому* гражданину, чем, например, кризисогенные финансовые институты, должна ранее других усвоить государственная власть, для которой традиционная русская семья могла бы стать безальтернативным условием выхода

из демографического тупика, из трясины молодежной преступности, алкоголизма и наркомании. Напомню, что эти беды обрушились на западные страны с силой прямо пропорциональной энергии вступления в войну с традиционной семьей.

Признание обществом абсолютной приоритетности семейных ценностей становится все более сложным, потому что это идет вразрез с легко усваиваемыми представлениями об абсолютной ценности индивидуальной жизни, свободной от обязательств по отношению к другим. У идеи традиционных семейных ценностей есть много (и по мере ее продвижения будет еще больше) противников. По сути, самыми рьяными врагами традиционных семейных ценностей становятся миллионы молодых людей, развращенных курсами валеологии и полового воспитания, телевизионной “моралью” и шоу-бизнесом. Они уже лишены чувства нации и ее ценностей, и пока еще не представляют цены этой потери. Для того чтобы взрастить в них стремление к семейно-осмысленному существованию, нужны не менее мощные действия, чем те, которые ввергают их в генетическое беспомощество. Сейчас такой силы в России нет.

Если признание приоритетности семейных ценностей – действительно задача на выживание нации, то и решать ее нужно нетривиальными методами, соответствующими этой задаче. Каким бы нарушением прав различных “меньшинств” это не показалось, нужно возвести всех, кто доказали способность родить здоровых и воспитать достойных (не наркоманов, не преступников, не алкоголиков) граждан России, в ранг *приоритетных граждан*. Им в первую очередь и на льготных условиях могли бы предоставляться банковские кредиты (как может банк доверять людям, которые безответственны до такой степени, что сожигательствуют с кем попало и не обременены элементарным чувством долга перед своей семьей?). Им следует в первую очередь предоставляться право занимать определенные государственные и муниципальные должности (как безответственный человек может решать вопросы жизни других людей, если он не способен распорядиться собственной и не знаком с главной частью жизни – семейной?), возможность обрести свое жилье и т.п. Это – не ущемление прав остальных, это – реальная оценка достоинств человека. Думаю, что если бы хоть что-то подобное в России (первой в мире) удалось сделать и к 30-летнему возрасту здоровые русские люди имели бы хотя бы по одному ребенку, это стало бы первым решительным шагом по дороге от пропасти национального самоубийства.

В настоящей статье был упомянут, но практически не рассмотрен такой важнейший фактор трансформации семейных отношений, как новейшая идеология самого института семьи – его политические, философские и экономические основания, идейные противники и защитники. К этой теме я предполагаю вернуться в следующей публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аромитам М.* Вызывайте Карлсона. Очередь в детский сад надо занимать еще до рождения ребенка // Российская газета. 14 октября 2008.
- Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М., 2007.
- Лебедева Н.* Тусклый огонь // Российская газета. 18 июня 2009.
- Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Новые проблемы российских городов. Муниципализация социальных объектов: правовые и финансовые решения. М. 1999.
- Летова Н.В.* Обзор расширенного заседания Ученого совета Института государства и права РАН // Государство и право. 2009. № 6.
- Московская семья – 2006. Информационно-аналитические материалы по результатам социологического исследования. М., 2007.
- Огилько И.* Не выходя из дома // Российская газета. 9 сентября 2009 г.
- О концепции демографического развития России на период до 2015 года. Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2001 г. № 1270-р (www.ombudsmandeti.ru/upload/doc/14955.doc)
- Указ Президента РФ “Об основных направлениях государственной семейной политики” (www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=94010).
- Федосов А.* Неподъемные дети // Российская газета. 19 ноября 2009 г.